

Г.Д. Левин

Факты в междисциплинарных исследованиях

Проанализированы трактовки вещи и факта, предложенные Г.Фреге, Б.Расселом и Л.Витгенштейном. Обосновано определение факта как положения вещей, отраженного в эмпирическом знании. Показано значение этого определения для междисциплинарных исследований.

Ключевые слова. Вещь, свойство, отношение, факт, фактуальное знание, теоретическое знание, теоретическая нагруженность фактов

Постановка проблемы. В каждой научной дисциплине факты имеют свою специфику. И когда представители нескольких дисциплин, например, нано-, био-, инфо- и когнонаук, объединяются для совместного исследования общих проблем, им, чтобы понимать друг друга и признавать аргументы друг друга, нужно согласовать, наряду с прочим, и свое понимание факта. Моя цель – продвинуться в решении философского аспекта этой задачи.

Слово «факт» (от лат. *factum* – сделанное, совершившееся) используется в обыденном и научном языке со времен античности. Но «признание его философской категорией получило распространение лишь в начале XX в., прежде всего в Кембридже, причем первоначально не среди аналитиков типа Б.Рассела и Дж. Э.Мура, а среди гегельянцев типа Ф.Г.Брэдли Дж. Э.Мак-Таггарта»¹. За прошедший век на этот термин напластовалось около полудюжины смыслов. Вот их довольно полный перечень: «Факт... – синоним понятий “истина”, “событие”, “результат”; нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего; в философии науки – реальное положение дел, чувственный образ или

особого рода предложения, фиксирующие эмпирическое знание. Как форма эмпирического знания факт противопоставляется теории или гипотезе»².

Я рассмотрю лишь три из перечисленных здесь значений термина «факт». Одно из них принадлежит Б.Расселу, другое – Г.Фреге, третье – Л.Витгенштейну. Их соотношение удобно рассмотреть на следующей схеме:

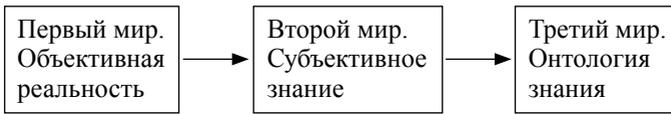

Схема 1

Согласно Расселу, «факты принадлежат к первому, объективному миру»³, они «есть то, что делает утверждения истинными или ложными»⁴. Факт – это *truthmaker* – создатель истины⁵.

Согласно Фреге факт – это не то, что делает мысль истинной, не *truthmaker*, а сама эта истинная мысль: «Что такое факт? Факт – это такая мысль, которая истинна»⁶. Так понимаемый факт принадлежит ко второму миру, миру нашего знания. Это понимание факта выражают еще формулой «to be a fact is to be a true proposition»⁷ – «быть фактом – значит быть истинным предложением».

Схема 1 позволяет разглядеть и третью логическую возможность понимания факта: как *идеального объекта, задаваемого содержанием истинного знания и входящего в онтологию знания, в третий мир*. Эта точка зрения не встречается в литературе в чистом виде по той причине, что третий мир обычно отождествляется, с одной стороны, со вторым, с задающим его знанием, а с другой стороны, – с первым, с самой объективной реальностью. Именно на этих двух отождествлениях зиждется и презентационизм, и солипсизм. Я рассмотрю сначала фрегевское и расселовское понимание факта.

Фреге и Рассел о факте. Сказав, что факт это «мысль, которая истинна», Фреге, по существу, отождествил учение о факте с учением об истине. В том же можно упрекнуть и Рассела, который определяет истину как отношение «между верой и одним или бо-

лее фактами, иными, чем сама вера»⁸. Дело в том, что исследование вер, соответствующих фактам, отличается от исследования фактов, которым соответствуют веры, лишь аспектом рассмотрения. Предмет у этих двух рассмотрений один. В итоге расселовские рассуждения о фактах в значительной степени дублирует его же рассуждения об истине. Например, он очень интересно анализирует необходимые и случайные, эмпирические и теоретические, единичные и общие, конъюнктивные и дизъюнктивные, утвердительные и отрицательные истины, а затем точно так же классифицирует и факты⁹. В итоге истина анализируется им сразу на двух языках, а факт остается без анализа. В философии такая гносеологическая aberrация довольно обычна. Например, в терминах учения о единичном и общем анализируется проблема абстрактного и конкретного, в терминах учения об истинности – проблема достоверности, в терминах учения об эмпирическом и теоретическом – проблема чувственного и рационального и т. д.

Но это не значит, что фрегевскую и расселовскую трактовки факта нужно отбросить. Чтобы привести их в соответствие с интуитивным пониманием факта, реально работающим в повседневном и научном мышлении, их достаточно просто сузить: фрегевское – до определения факта как *эмпирического* истинного знания, а расселовское – до определения факта как *предмета* эмпирического истинного знания.

Второй, чисто технический недостаток анализируемых определений заключается в том, что в них одним и тем же термином «факт» обозначаются качественно разные сущности: знание и его предмет. Условимся *фактом* называть только *предмет* истинного *эмпирического* знания, а само это знание – *фактуальным знанием*.

Отличив факт от фактуального знания и условившись называть фактом только предмет последнего, мы оказываемся перед очень трудным вопросом: что представляет собой факт сам по себе, в абстракции от его отношения к отражающему его истинному эмпирическому знанию? Вот как отвечает на этот вопрос Б. Рассел: «Все, что имеется во вселенной, я называю фактом. Солнце – факт, переход Цезаря через Рубикон был фактом»¹⁰. Итак, на объективное содержание факта Рассел не накладывает никаких ограничений. Факт – это любой предмет любого истинного знания. Это и вещь, и признак вещи, и положение вещей, и процесс. Нет ничего,

что нельзя было бы назвать фактом. Получается, что из всех философских терминов «факт» – самый общий. Позднее Рассел под влиянием Витгенштейна отказался от этой трактовки факта, но нам она важна как начальный этап исследования проблемы.

Витгенштейн о факте. Следующий этап исследования проблемы осуществил Витгенштейн, который определил факт так: «*Der Sachverhalt ist eine Verbindung von Gegenständen (Sachen, Dingen)*». И.Добронравов и Д.Лахути переводят это определение так: «Атомарный факт есть соединение объектов (вещей, предметов)»¹¹.

Но термина «атомарный факт» в немецком оригинале трактата нет. Он появляется в английском переводе, с которым Витгенштейн первоначально соглашался¹². Поэтому я буду им пользоваться. Итак, атомарные факты состоят из вещей, комплексные факты – из атомарных, мир в целом – из атомарных и комплексных фактов. Следовательно, «мир есть совокупность фактов, а не вещей»¹³. Картина мира детски проста. Но для ее завершения необходим еще один термин, родовой по отношению и к «вещи», и к «атомарному факту», и к «комплексному факту» и «миру».

На эту роль существует множество претендентов, я выбираю термин «*объект*». Класс всех объектов дихотомически делится на два подкласса. Первый состоит из объектов, способных *самостоятельно* существовать в пространстве-времени. Их называют предметами или вещами. Примеры – планеты, дома, электроны. Второй подкласс образуют объекты, существующие лишь в составе вещи (предмета). Их называют признаками. Примеры – цвет, форма, движение вещей. Признаки делятся на свойства и отношения. Признак, нераздельно принадлежащий одной вещи (например, ее квадратная форма), называют ее свойством, признак, принадлежащий нескольким вещам (например, сходство форм двух вещей) – отношением. Схематически:

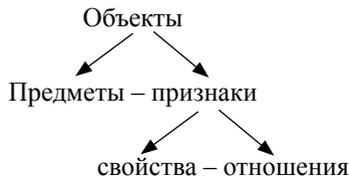

Схема 2

Рассмотрим с этой точки зрения витгенштейновское предложение «Der Sachverhalt ist eine Verbindung von Gegenständen (Sachen, Dingen)». На мой взгляд, Витгенштейн употребляет здесь термины «Gegenstand», «Sache» и «Dinge» как синонимы, хотя есть исследователи, например, М.С.Козлова¹⁴, которые стремятся различить их. Точно так же, на мой взгляд, он игнорирует в этом предложении и разницу между термином «Verbindung» («взаимосвязь») и лежащим в основе термина «Sachverhalt» термином «Verhältnis» («отношение»).

Если к тому же «Sachverhalt» переводить не как «атомарный факт», а как «факт», т. е. как синоним «Tatsache», то анализируемое определение можно перевести так: **факт (Sachverhalt) – это взаимосвязь (Verbindung) предметов (Gegenständen).**

Здесь возникает терминологическая трудность. Из утверждения, что **атомарный** факт – это взаимосвязь предметов (eine Verbindung von Gegenständen) можно сделать вывод, что предмет (Gegenstand) – это составная часть только атомарного факта, т. е. строго говоря, Gegenstand – это атомарный предмет. Но примеров атомарного предмета и атомарного факта Витгенштейн не приводит. Да это и невозможно сделать, если трактовать атомарный предмет как предел разложения на части мира в целом. Его искали еще древние, но так и не нашли. Тем не менее «атомарная вещь» и «атомарный факт» – полезные идеализации. Поэтому я предлагаю различать атомарную вещь и комплексную вещь, соответственно, атомарный факт и комплексный факт.

Это поднимает вопрос о соотношении вещи (предмета) и факта. Я предлагаю решить его так. Любой предмет, за исключением гипотетического атомарного, можно представить как взаимосвязь предметов (eine Verbindung von Gegenständen) т. е. как факт. И любой факт, за исключением мира в целом, можно представить как составную часть факта, т. е. как предмет. Например, атом водорода можно представить как вещь, если рассматривать его как составную часть молекулы воды, и как факт, если глядеть на него как на «связь предметов» – электрона и протона.

Но это лишь онтологическое различие предмета и факта. Чтобы завершить дело, нужно связать факт со знанием, вспомнить, что факт – это создатель истины, *truthmaker*. Факт – это не любая связь предметов, а только такая, которая является предме-

том истинного знания. Но понятия обычно не делят на истинные и ложные. Эту дихотомию относят только к суждениям и их комплексам – теориям. Следовательно, **факт – это такая связь предметов**, eine Verbindung von Gegenständen, **которая отражена в истинном суждении**. Витгенштейн считает, что деление знаний на понятия и суждения первично, а деление объектов на предметы и факты вторично.

Но на этом трудности витгенштейновской трактовки вещи и факта не заканчиваются. Если вещи (предметы) понимать в смысле схемы 2, т. е. как *объекты*, способные *самостоятельно* существовать в пространстве-времени, то под витгенштейновское определение факта как связи предметов подойдет далеко не все, что мы называем фактами в повседневном и научном познании. Например, вчера восход Солнца сменился закатом. Это факт. Но это соотношение не вещей, а процессов, которые вещами обычно не называют. В немецком языке эта трудность преодолевается за счет амбивалентности слова «Sache»: оно обозначает и вещь, и дело, т. е. процесс. В русском языке вещами тоже иногда называют процессы, например, когда про хороший спектакль говорят: «это вещь!». Можно воспользоваться этой амбивалентностью термина «вещь» и распространить определение факта как взаимосвязи вещей на взаимосвязь процессов. Но этой уловкой, видимо, нельзя воспользоваться в английском языке. Поэтому когда Д.Амстронг переводит витгенштейновский «Sachverhalt» как «state of affairs»¹⁵, он эксплицирует лишь одно из значений этого амбивалентного термина.

Но даже если мы условимся называть фактами соотношение и вещей, и процессов, мы не охватим всего того, что называют фактами в реальной практике познания. Предложение «Земля круглая» констатирует факт, т. е. отношение, но не между вещами и не между процессами, а между вещью и ее **признаком**, который мы условились отличать от вещи. Можно, очевидно, охватить определением факта и этот контрпример, но мы не можем быть уверены в том, что не появится новый. Выход я вижу в том, чтобы обозначить носители того отношения, которое образует из них факт, термином, обозначающим любое реально существующее нечто. На схеме 2 эту роль выполняет термин «объект». Получается: **факт – это отраженное в истинном знании целое, которое отношение образует из объектов**.

Пренебрегая точностью ради благозвучия, термин «объект» в этом определении заменяют термином «вещь», а термин «отношение» термином «положение». Получается: факт – это положение вещей, *Sachverhalt*. Там, где это не приведет к путанице, я буду пользоваться этим сокращением.

Существуют ли теоретические факты? Быть положением вещей – онтологический признак факта. Его гносеологический признак – *быть предметом истинного суждения*, но не любого, как считает Рассел, а только эмпирического. Отсюда чисто логически следует, что деление фактов на теоретические и эмпирические противоречит определению факта. Но эта дихотомия не соответствует и традициям, сложившимся в науке. Например, когда Леверье на основе чисто математических вычислений сформулировал суждение: «В Солнечной системе существует девятая планета», объективное положение вещей, о котором говорило это истинное суждение, еще не было фактом. Фактом оно стало только когда Галле обнаружил вычисленную Леверье планету именно там, где указал Леверье.

Итак, я предлагаю отличать положение вещей, отраженное в истинном *эмпирическом* знании, от положения вещей, отраженно-го в истинном *теоретическом* знании и фактом называть только первое. Термин для второго нужно еще подыскать. Итак, «эмпирический факт» – это плеоназм, а «теоретический факт» – оксюморон. Корректным является термин «научный факт».

Существовали ли факты до человека? Итак, положения вещей, например, вращение Земли вокруг Солнца, *первичны*, истинные эмпирические знания о них *вторичны*, а факты *третичны*. Получается, что «факт» – это не чисто онтологическое, а, если так можно выразиться, *онто-гносеологическое понятие*. Отсюда следует, что фактов до человека не существовало. Так думает С.В.Илларионов¹⁶, и я с ним согласен.

Существуют ли общие факты? Б.Рассел отвечает на этот вопрос утвердительно: «Есть единичные факты, такие как «Это является белым» и есть общие факты, такие как «Все люди смертны»»¹⁷. Чтобы согласиться или не согласиться с ним, нужно сказать, что такое *общий факт*. Это факт, состоящий из *общих вещей, соединенных общим отношением*. А что такое общая вещь?

В логике этот вопрос решен давно. Общая вещь, например, человек вообще, образуется из класса индивидуальных вещей, локализованных в ретальном пространстве-времени, например, из класса конкретных людей, за счет того, что сначала абстрагируются от всех различий между ними, в результате чего возникает класс неразлично сходных вещей, а затем эти неразлично сходные вещи «склеивают» в *одну* общую вещь, например, в человека вообще.

Общие вещи ненаблюдаемы. Именно это вынудило Платона поместить человека вообще в «надмировое пространство», т. е. попросту, в область, недоступную наблюдению. Но если каждая общая вещь ненаблюдаема, то ненаблюдаемо и положение общих вещей, т. е. общее положение вещей. Но наблюдаемость – дефинитивный признак факта. Следовательно, общее положение вещей, например, то, которое зафиксировано в суждении «Человек смертен», не факт по определению. Что касается суждения «Все люди смертны», то зафиксированное им положение вещей наблюдаемо, но оно представляет собой не общий факт, а класс индивидуальных фактов.

Необходимые и случайные факты. Необходимым называют положение вещей, однозначно детерминированное предшествующей ему историей универсума, а случайным – положение вещей, никак не детерминированное ею. Для большинства исследователей, и для Рассела в частности, деление фактов на необходимые и случайные является аксиомой. Но существовали и существуют и мыслители, убежденные в том, что любое событие в мире однозначно детерминировано предшествующей ему историей универсума, и, следовательно, случайных, т. е. ничем не детерминированных, фактов не бывает. Я называю эту точку зрения последовательным детерминизмом.

Согласно этой позиции положения вещей, в том числе и факты, делятся не на случайные и необходимые, а на те, существование которых уже установлено эмпирическим наблюдением, а необходимость еще предстоит установить, и те, относительно которых установлены и существование, и необходимость. Восход и заход Солнца сначала фиксируются эмпирическим, наблюдательным знанием, т. е. как факты, и лишь затем описываются как необходимые события, т. е. теоретически.

Но это не значит, что непоследовательный детерминизм, согласно которому факты делятся на необходимые и случайные, нужно просто отбросить. Он описывает положения вещей, задаваемые содержанием наших теоретических и эмпирических знаний. Эти положения вещей существуют в онтологии нашего знания, т. е. в третьем мире. (см. Схему 1). Эти положения вещей делятся на необходимые и случайные, но их следует отличать как от задающих их знаний так и отраженных в них объективных положений вещей. Это не факты. Факты существуют лишь в первом, объективном мире. Следовательно, говорить о случайных фактах так же некорректно, как и об общих.

Спутывание факта с фактуальным знанием. Итак, факт существует объективно, «вне черепа», фактуальное знание – субъективно, «в черепе». Так что их спутывание можно было бы объявить совершенно невероятным, если бы его не допускал даже Б. Рассел, который, с одной стороны, утверждает, что «факты принадлежат к объективному миру»¹⁸, а с другой, заявляет, что «величайшей ошибкой было бы предполагать, что можно описать мир полностью посредством одних единичных фактов»¹⁹, явно трактуя факт как знание о мире. Аналогичную ошибку совершает и Р. Карнап, который пишет: «Когда мы будем пользоваться термином «факт», мы будем понимать его в смысле единичного утверждения»²⁰, а буквально рядом заявляет: «Факты являются единичными событиями»²¹.

В отечественной литературе это спутывание является чуть ли не нормой, его допускают даже незаурядные исследователи. Например, в очень информативной статье «Теория и факт в космологии» В. В. Казютинский сначала пишет: «рассмотрим некоторые факты (или эмпирические знания, считающиеся фактами)», явно трактуя факт как знание, а несколькими строками ниже говорит об «открытии» и «предсказании» фактов красного смещения и реликтового излучения, явно понимая под фактами объективное положение дел²². Но рекорд здесь принадлежит С. В. Илларионову, который *в одном предложении* трактует факт одновременно и как элемент реальности и как знание о нем: «факт – это **элемент реальности**, ставший достоянием нашего знания, или иначе: факт – это **знание** настолько достоверное, что мы можем отнести его к самой реальности»²³.

Столь нелепую и столь массовую ошибку нельзя объяснить простым недосмотром. На мой взгляд, это форма проявления объективных трудностей, с которыми сталкивается исследование проблемы факта и фактуального знания.

Первую я уже отметил: сначала, ради краткости, термин «фактуальное знание» сокращают до термина «факт», затем забывают об этом и называют фактом и объективное положение вещей, и знание о нем, в результате чего они сливаются в нечто неопределенное. В естественных науках, имеющих дело с материальными объектами, эта ошибка невозможна. В гносеологии, исследующей абстрактные сущности, она нередка. Например, «опытное знание» сокращают до «опыта», а затем называют опытом и опытное знание, и сам опыт.

Вторая причина спутывания факта и фактуального знания – отмеченная выше онто-гносеологическая природа факта, то обстоятельство, что факт – это не просто положение вещей, а положение вещей, отраженное в фактуальном знании. В итоге связь факта с фактуальным знанием воспринимается как их тождество.

Третья причина заключается в том, что субъективно, в сознании человека и высших животных чувственный образ предмета слит с самим этим предметом. Именно по этой причине кошка вцепляется в мышь, а не в свои глаза, где находится образ мыши. И именно по этой причине презентационисты отказываются от «удвоения мира», от деления его на объективный и субъективный, а солипсисты отрицают само существование объективного мира.

С другой стороны, положения вещей, входящие в онтологию эмпирического знания, нередко отождествляются с самим этим знанием. Отсюда по транзитивности и фактуальное знание отождествляется с фактом: если B равно A , и C . то A равно C .

Проблема теоретической нагруженности фактов. Тезис о нагруженности фактов теорией меняет смысл в зависимости от того, как понимаются факт, нагруженность и теория.

Если полагать, что факт существует в объективном мире, а теория – в субъективном, то утверждение о нагруженности фактов теорией бессмысленно. Оно приобретает некий смысл, только если объявить деление мира на объективный и субъективный бессмысленным.

Если же факт понимать как эмпирическое *знание* об объективном положении вещей, то тезис о нагруженности факта теорией уже нельзя назвать бессмысленным, но его конкретный смысл зависит от смысла терминов «нагруженность» и «теория». Начнем с первого.

В профессиональной эпистемологии этого термина нет. Он внесен в нее представителями конкретных наук, не удовлетворенными тем решением проблемы теоретического и эмпирического, которое предлагают профессиональные философы, и разрабатывающими собственное ее решение. При этом они предлагают и собственный язык для описания такого решения. Вообще-то в чужой монастырь со своим уставом не ходят, но философия давно уже напоминает мне не монастырь со строгим уставом, а территорию, занятую «иммигрантами», навозящими на ней свои порядки. Попытаюсь, тем не менее, «перевести» технический термин «нагруженность» на философский язык.

Его не следует, очевидно, понимать по аналогии с нагруженностью самосвала песком. Речь, видимо, идет просто о том, что фактуальное (опытное, эмпирическое, наблюдательное) знание так же не существует в чистом виде, как и его противоположность – теоретическое знание. Но если так, то перед нами не новое слово в эпистемологии, а просто экстравагантно выраженная банальность: в единстве со своей противоположностью существуют все явления и объективного, и субъективного мира: золото «нагружено» атомами не-золота, механическое движение – трением, прямая линия – кривой, истина – заблуждением, эмпирическое знание – теоретическим, теоретическое – эмпирическим. Это понимал еще Гераклит. Поэтому выдвигать *учение о теоретической нагруженности фактов* на роль научного результата можно лишь в научном сообществе, члены которого лишь приступили к осмыслению тысячелетних философских проблем.

Можно возразить, что главное в этом учении не само положение о теоретической нагруженности фактов, а практический вывод из него: поскольку теоретическое и фактуальное знание неразделимы, постольку не имеет смысла как исследование их в абстракции друг от друга, так и описание перехода чистого эмпирического знания в чистое теоретическое и обратно.

К сожалению, и это возражение не ново. С ним сталкивался еще Евклид при попытке выделить в чистом виде геометрические фигуры. А.Койре сформулировал его с исчерпывающей ясностью: «В самой природе нет ни кругов, ни треугольников, ни прямых линий. Следовательно, бесполезно изучать язык математических фигур: последние по своей сути не являются ... теми знаками, которыми написана книга природы»²⁴. Логика знакомая: поскольку противоположности нераздельны, постольку и описывать их в чистом виде бессмысленно.

Ничего не изменилось и для Галилея. Вот какие слова он вкладывает в уста своего антипода Симплицио: «Все эти математические тонкости истинны лишь абстрактно. Но, будучи приложенными к чувственной и физической материи, они не функционируют»²⁵.

Все повторилось при создании науки об обществе: Марксу объясняли, что поскольку ни один товар не продается по стоимости, постольку и его трудовая теория стоимости никакого отношения к реальной экономике не имеет.

Из сказанного следует, что учение о теоретической нагруженности фактов – лишь вершина этой пирамиды недомыслия. Оно порождено конкретными трудностями, возникающими при исследовании взаимосвязи теоретического и фактуального знания, и устранить его можно лишь разрешив эти трудности. В литературе применяются три способа их разрешения.

Первый я уже описал. Он заключается в признании самого факта «нагруженности» фактуального знания теоретическим и отрицании на этом основании права рассматривать теоретическое и эмпирическое знание в абстракции друг от друга, в чистом виде.

Второй, противоположный способ состоит в отрицании самого факта теоретической нагруженности фактов и выводе, что рассуждения о чистом фактуальном и чистом теоретическом знании описывают реальное положение дел. Но отрицание фактов, на которых базируется концепция оппонента, редко приводит к победе в полемике с ним. Достаточно вспомнить, например, отрицание диалектическим материализмом факта совпадения в нашем сознании чувственного образа предмета с самим предметом.

Третий способ разрешения этой трудности исходит из реальности самого факта теоретической нагруженности фактуального знания и, соответственно, эмпирической нагруженности теоре-

тического знания, т. е. из факта их диалектического единства. Он состоит в попытке описать это единство, начав с рассмотрения в чистом виде сначала эмпирического, затем теоретического знания и, наконец, их взаимосвязи – перехода эмпирического знания в теоретическое и теоретического в эмпирическое. В данной статье я попытался продвинуться в решении первой из этих трех задач.

Примечания

- 1 *Simons P.* Tatsache // Ritter I. ed. *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 10. Basel, 1998. S. 914.
- 2 *Никифоров А.Л.* Факт // Новая философская энциклопедия. Т. IV. М., 2001. С. 157.
- 3 *Рассел Б.* Философия логического атомизма // *Он же*. Избр. тр. Новосибирск, 2007. С. 127.
- 4 *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957. С. 177.
- 5 <http://plato.stanford.edu/entries/facts>.
- 6 *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование (www.philosophy.ru/library/frege/01.html).
- 7 <http://plato.stanford.edu/entries/facts>.
- 8 *Рассел Б.* Человеческое познание. С. 182.
- 9 Там же. С. 154–163.
- 10 *Рассел Б.* Человеческое познание. С. 177.
- 11 *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. И.Добронравова и Д.Лахути. М., 1958. 2.01. Я беру именно этот перевод, а не более точный перевод М.С.Козловой с ее филигранным анализом текста Витгенштейна (*Logisch-philosophische Untersuchungen*. Логико-философский трактат // Людвиг Витгенштейн. Философские работы (ч. I) М., 1994) просто потому, что для моих целей он вполне достаточен.
- 12 *Козлова М.С.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы (ч. I). С. 497.
- 13 *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. И.Добронравова и Д.Лахути. 1.11.
- 14 *Козлова М.С.* Логико-философский трактат. С. 497.
- 15 *Armstrong, D. M.* *A World of States of Affairs*. Cambridge. 1997.
- 16 *Илларионов С.В.* Теория познания и философия науки. М., 2007. С. 61.
- 17 *Рассел Б.* Философия логического атомизма. С. 127.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 *Карнап Р.* Философские основания физики. М., 2007. С. 24.
- 22 *Казютинский В.В.* Теория и факт в космологии // Современная космология: философские горизонты. М., 2011. С. 63.

- ²³ *Илларионов С.В.* Теория познания и философия науки. С. 61.
²⁴ *Койре А.* Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 144.
²⁵ *Галилей Г.* Избр. тр.: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 302.

References (transliteration)

Simons P. Tatsache // Ritter I., ed. Historisches Worterbuch der Philosophie. Bd. 10. Basel, 1998. S. 914.

Nikiforov A.L. Fakt // Novaja filozofskaja jenciklopedija. T. IV. M., 2001.

Rassel B. Filosofija logicheskogo atomizma // *On zhe.* Izbrannye trudy. Novosibirsk, 2007.

Rassel B. Chelovecheskoe poznanie. M., 1957.

Vitgenshtejn L. Logiko-filozofskij traktat / Perevod I.Dobronravova i D.Lahuti. M., 1958.

Armstrong D.M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

Illarionov S.V. Teorija poznanija i filozofija nauki. M., 2007.

Kojre A. Oчерки istorii filozofskoj mysli. M., 1985.